

СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

I.

Морозомъ дышали ночные просторы. На темно-синемъ небѣ горѣли звѣзды, и такими близкими казались онѣ землѣ. Внизъ опрокинутый высокій серпъ луны былъ тихъ, чистъ и ясенъ.

Тотъ, кто шелъ въ лучахъ луны, поднимая порою глаза въ лунную непорочность, такъ больно и трепетно чувствовалъ, что онъ все-таки только человекъ. Человекъ, которому горестно и трудно, — можетъ быть, потому, что въ этомъ ясномъ и непреклонномъ сияніи только ему мглистымъ является его путь.

Иванъ Петровичъ Травинъ возвращался домой по одной изъ окраинныхъ улицъ маленькаго западнаго городка, гдѣ морозъ былъ рѣдкимъ явленіемъ. Чтобы не думать ни о чемъ, Иванъ Петровичъ смотрѣлъ на снѣгъ. Изъ-за длинныхъ заборовъ пустынной улицы пушистыя и бѣлыя отъ снѣга вѣтки деревьевъ бросали на снѣгъ сквозныя тѣни. Странно было думать, что этотъ снѣгъ бѣлаго цвѣта, — такъ онъ синѣлъ, темнѣлъ въ тѣняхъ, таинственно мерцалъ въ лунномъ свѣтѣ, и неожиданно яснѣлъ въ колеяхъ и выбоинахъ.

Грустные думы, обычныя снугницы Ивана Петро-

лица и теперь не покидали его, томил и странно утешали. Он думал о женѣ, которая его оставила, и о подросткѣ сынѣ, который остался съ нимъ.

Жена его оставила потому, что перестала вѣрить въ его святину, въ его надежды и повѣрила въ механически-правильныя мысли тѣхъ, кто ждетъ преобразования мира отъ фабричнаго города. Не потому, что разлюбила его, что полюбила другого. Онъ чувствовалъ, что она разлюбила не его, а эту всю почвенную жизнь, милую для него.

Сынъ остался. Его надо воспитать въ той же любви, чтобы сердце его было пламенѣющимъ и ревнивымъ, иногда ненавидящимъ любимое, но не выносящимъ хулы на родное. Но какъ трудна эта любовь!

Вотъ за этими заборами таятся дома бѣдняковъ, евреевъ, поляковъ, русскихъ, выходящихъ изъ-за рубежа. Таятся жизнь то безумно-дерзкая, то безумно-робкая. Таятся много вражды и злобы. И злоба отъ нищеты и непониманія.

Родина жена, сынъ — домъ малый, свой, и домъ большой, отечество. И переходъ отъ одного къ другому, гимнази. гдѣ Иванъ Петровичъ давалъ уроки, и городокъ, вваламученный войною, недалеко отъ этихъ мѣстъ, но все же увѣренный, что врагъ сюда не доберется. Въ этомъ кругу вращались мысли Ивана Петровича, когда онъ слышалъ за собою чью-то робкую и торопливую побѣжку. Иванъ Петровичъ остановился и, по-садливо поеживаясь, ждалъ, чтобы прохожій обогналъ его. Какъ это бываетъ иногда у очень нервныхъ людей, Иванъ Петровичъ не дергивалъ чьяхъ-нибудь шаговъ за спиною.

Всмотрѣлся въ прохожаго, узналъ его по тощей фигурѣ, приподнятымъ плечамъ, рыжей острой бородкѣ.

по беспокойному, внятому и въ полумракѣ, блеску вспыхивающихъ и потухающихъ, усталыхъ глазъ, по утомленной улыбкѣ тонкихъ, опущенныхъ въ углахъ кънизу губъ,—узналъ и удивился: это былъ еврей-портной Тейтельбаумъ, о которомъ много въ городѣ говорили въ послѣдние два дня, и говорили такъ, что Иванъ Петровичъ никакъ не могъ ожидать встрѣчи съ нимъ на улицѣ.

— Это вы, господинъ Тейтельбаумъ?—воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

Тейтельбаумъ, суетливо кланяясь, приподнял фуражку.

— Ну, это таки я,—говорилъ онъ,—и иду къ вамъ, несу заказъ. Вы себѣ думали, Иванъ Петровичъ, что вашего Сережи панталоны уже пропали, и что Тейтельбаумъ болтается на веревкѣ, а Тейтельбаумъ таки живъ, и ничего такого съ Тейтельбаумомъ не случилось.

— Пойдемте вмѣстѣ, господинъ Тейтельбаумъ,—сказалъ Иванъ Петровичъ—я иду домой. Да скажите, что такое въ самомъ дѣлѣ было?

Тейтельбаумъ рассказывалъ:

— Вы тоже подумали, что Тейтельбаумъ — шпионъ, что Тейтельбаума лоймали? И это же мнѣ всё говорятъ, куда я ни приду: господинъ Тейтельбаумъ, развѣ васъ еще не повѣсили? Но скажите, пожалуйста, за что меня вѣщать? Какой-то шарлатанъ донесъ, что ко мнѣ пришелъ подозрительный человекъ, и ко мнѣ пришли брать этого подозрительнаго человекъ, ну и что же, вы думаете, оказалось? Это нашъ таки еврейчикъ, раненый солдатъ. Онъ ко мнѣ пришелъ, вотъ и все.

Иванъ Петровичъ сказалъ:

— Говорили, что этотъ подозрительный человекъ былъ одѣтъ какъ-то странно, не то солдатъ, не то шпильный.

— Ну, такъ онъ же только что вышелъ изъ лазарета, — отвѣчалъ Тейтельбаумъ — я же не знаю, что онъ себѣ думалъ, зачѣмъ онъ отсталъ отъ своей команды. Его взяли и отправили, куда слѣдуетъ. Скажите, пожалуйста, изъ-за чего такой скандалъ дѣлать? Самъ господинъ комендантъ сказалъ мнѣ: «Ну, идите себѣ, господинъ Тейтельбаумъ, я знаю, что вы — честный еврей и занимаетесь своимъ дѣломъ».

Ивану Петровичу не хотѣлось спрашивать Тейтельбаума о подробностяхъ этой исторіи съ легкомысленнымъ солдатомъ. Онъ сказалъ:

— Вотъ и хорошо, господинъ Тейтельбаумъ — знать, васъ ни въ чемъ не подозреваютъ.

— И что вы тутъ видите хорошаго? — жалующимся голосомъ говорилъ Тейтельбаумъ. — Начальство знаетъ, въ чемъ дѣло, а въ городѣ всѣ говорятъ, — шпиона поймали и на базарѣ повѣсили. зачѣмъ шпиона. Это очень нехорошо, Иванъ Петровичъ.

— Да, это скверно, — согласился Травинъ.

Тейтельбаумъ продолжалъ:

— Ну, я таки вашъ заказъ исполнялъ, Сережи вашего панталона починилъ. Правда, очень короткіе выцли, потому что я низочки вялъ отрѣзалъ и положилъ заплатки гдѣ надобно, но при длинныхъ чулкахъ дома очень хорошо будетъ.

II.

Дошли до того дома, гдѣ жилъ Травинъ. Въ одномъ изъ трехъ окошекъ деревяннаго домика свѣтился огонь. Иванъ Петровичъ стукнулъ палкою въ это окно и поднялся на крыльцо. Скоро дверь открылась; на порогѣ стоялъ двѣнадцатилѣтній гимназистъ въ сѣрой мяго-

кой одеждѣ и въ рыженькихъ мягкихъ валенкахъ. Онъ радостно и ласково улыбался отцу, но, увидѣвъ Тейтельбаума, воскликнулъ отъ удивленія:

— Господинъ Тейтельбаумъ, это вы!

— Ну и кто же, какъ не я!—съ кислою улыбкою отзывался Тейтельбаумъ.—Я принесъ вамъ вашу вещь чтобы вы ее примѣрили. И посите себѣ дома на адоренье, а Тейтельбаумъ еще долго будетъ на васъ работать.

— А у насъ, въ гимнази, говорили,—началь было Сережа.

Иванъ Петровичъ строго посмотрѣлъ на него.

Мальчикъ покраснѣлъ и замолчалъ.

III.

Иванъ Петровичъ и Сережа сидѣли въ столовой, и пили чай. Былъ седьмой часъ вечера. Раздался звонокъ, потомъ второй.

— Пелагеюшка наша опять спитъ, не слышитъ,—сказалъ Сережа, и побѣждалъ открывать дверь.

Черезъ минуту онъ вернулся и вслѣдъ за нимъ въ столовую вошла пятнадцатилѣтняя красивая дѣвочка, ученица Ивана Петровича по женской гимнази, Сарра Канцель. По ея раскраснѣвшемуся лицу было видно, что она сильно взволнована чѣмъ-то, и даже напугана. И потому въ томномъ взорѣ черныхъ, большихъ глазъ и въ дрожащей улыбкѣ устало-алыхъ губъ особенно ярко вы-являлся еврейскій скорбный обликъ. Она заговорила поспѣшно и тревожно:

— Простите, Иванъ Петровичъ, что я такъ поздно, но мнѣ очень очень надо съ вами поговорить.

Сережа придвинулъ стулъ. Сарра сѣла, и вдругъ заплакала, закрываясь руками.

— Саррочка, что съ вами?—растерянно спрашивалъ Иванъ Петровичъ.—Ахъ, Боже мой, да о чемъ вы плачете?

Онъ неловко суетился около дѣвочки, не зная, что сказать.

— Мнѣ уйти?—тихо спросилъ Сережа.

Но Сарра услышала. Вдругъ перестала плакать и сказала громко и точно со злобью:

— Нѣтъ, пусть и Сережа послушаетъ, что я буду рассказывать. Пусть онъ скажетъ мнѣ, за что, за что?

И опять заплакала горько.

— Саррочка—говорилъ Иванъ Петровичъ,—успокойтесь, выпейте воды. Расскажите, что случилось.

Онъ ласково и неловко гладилъ по головѣ плачущую дѣвочку. Она выjala его руку, порывисто поцѣловала ее и сказала:

— Вы такой умный и добрый, и все понимаете, а я не знаю сейчасъ, что я сдѣлала, поцѣловала или укусила. Я не знаю, что со мною, и за что, за что? Слушайте, я вамъ расскажу, и вы объясните мнѣ это. Мы пошли на станцію встрѣчать раненыхъ, я и Лиза Бѣляева, и Катя Нахтманъ, и еще нѣсколько нашихъ подружекъ и гимназисты были, и Сергій Павловичъ, и еще были люди, ужъ я не помню сейчасъ, кто еще былъ. Но это все равно. Ну вотъ слушайте,—мы знали, что въ нашъ городъ сегодня должны привезти раненыхъ въ новый баракъ, и мы приготовили имъ кофе и угощенье. Но вотъ раненые прѣхали, и сначала все было хорошо, мы разливали кофе, и сами разносили его, и всѣ были довольны и благодарили. Ну вотъ я подошла къ одному солдату, и подала ему стаканъ кофе, говорю ему: «Купайте себѣ на здоровье!» А онъ посмотрѣлъ на меня такъ сердито, спрашиваетъ: «Ты—жидовка?» Я ему говорю: «Да, я—еврейка, но я—рус-

скал». А онъ замахнулся, вышибъ у меня изъ рукъ стакалъ, и крикнулъ: «Жидовка проклятая!» За что за что?

Сарра упала головою на столъ и плакала, плакала мучительно и долго. Сережа стоялъ и слушалъ. Щеки его ярко покраснѣлись.

— Саррочка,—говорилъ Иванъ Петровичъ,—не судите его строго; онъ раненъ, боленъ, усталъ, можетъ быть бредить; кто-то наказывалъ ему злыхъ словъ, и онъ повѣрилъ. Онъ—бѣдный и темный человѣкъ, и самъ не знаетъ что дѣлаетъ.

— Но за что, за что намъ это?—плача, говорила Сарра.—Отчего никто за насъ не заступился? Вѣдь мы же русскіе! У насъ нѣтъ другой родины, кромѣ Россіи! Мы родились здѣсь и выросли, мы любимъ Россію и все русское, мы учимся въ русской школѣ, читаемъ русскихъ писателей, мы во всемъ во всемъ хотимъ быть съ вами. Полмилліона евреевъ въ русской армиі,—за что же намъ это?

Иванъ Петровичъ слушалъ Сарру, говорилъ ей какія-то бѣдныя, неумѣлыя слова утѣшенія. Голова его кружилась и болѣла. Вдругъ припомнился вчерашній кошмаръ.

Вчера онъ пришелъ изъ гимназіи очень усталый и разстроенный. Послѣ обѣда сѣлъ было просматривать тетрадки. Но такая была усталость, что, посидѣвъ съ полчаса, пошелъ въ спальню, и легъ на кровать, какъ быть въ пиджакѣ. Даже крахмального воротничка не снялъ. Покрылся халатомъ. Лежалъ на правомъ боку, лицомъ къ стѣнѣ, подложивъ руки на подушку подъ голову. Заснулъ. Черезъ часъ проснулся отъ какого-то шума въ домѣ. Но встать не могъ. Лежалъ въ тяжелой дремотѣ, чувствуя, какъ обезкровленъ усталый мозгъ. Вдругъ чья-то рука просунулась изъ-за перегородки къ его лицу,

матная, сѣрая, съ длинными пальцами. Чей-то задѣвающійся голосъ тихо говорилъ:

— Здравствуй, здравствуй.

Иванъ Петровичъ зналъ, что это кошмаръ, но не могъ пошевелиться. Ему было страшно, и казалось, что онъ грызетъ эту вражью руку. Но врагъ смѣялся и не уходилъ. Къ счастью, вошелъ Сережа, тихо сказалъ что-то— и вражьи чары рассыпались. Онъ всталъ съ постели и чувствовалъ какъ холодъ входитъ въ его кости.

«Скоро я умру!» подумалъ онъ. Но эта мысль не была ему страшна. Онъ смотрѣлъ на свѣтлую Сережину улыбку, на его сильныя, стройныя ноги, и думалъ:

«Когда мы все отойдемъ, наши дѣти спасутъ Россію».

IV.

И вдругъ опять звонокъ. Сережа побѣжалъ открывать. Изъ передней послышался его крикъ радостный, пронизанный радостными слезами:

— Мама, мамочка!

Иванъ Петровичъ поблѣднѣлъ. Сарра сказала:

— Я не вовремя пришла. Я уйду.

Иванъ Петровичъ улыбнулся печально и насмѣшливо:

— Остаются, Саррочка, Надежда Николаевна, сумѣетъ тебя утѣшить.

И пошелъ въ переднюю, встрѣчать жену. Самъ не понимая, радъ ли ей.

Сарра передъ зеркаломъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, вытерла слезы, поправила прическу, и отошла къ сторонѣ. Предъ ея глазами словно плылъ туманъ, и какъ далекіе звучали радостные голоса.

Молодая, смуглая, черноглазая, быстрая женщина оживленно говорила:

— Я тебѣ не успѣю надоѣсть, завтра же ѣду дальше. Ну да можешь представить, я выдержала всѣ экзамены какъ полагается и ѣду на войну сестрою милосердія. Ты мнѣ позволь только переночевать у тебя. Ты спрашиваешь о Виталии Андреевичѣ? Но развѣ ты не знаешь, — вѣдь мы же съ нимъ разошлись! Онъ оказался такимъ черствымъ и сухимъ человѣкомъ. Вотъ то ужъ полная противоположность тебѣ, — совершенно маниакальная психология, твердо вѣритъ въ свои теоріи, ходить въ шорахъ, и всегда счастливъ тупъ и глупъ. Ну, пой меня чаемъ. Сережка наливай! Морозъ отчаянный, пока съ вокзала ѣхала, чуть не замерзла, — вѣдь тамъ въ Питерѣ все больше шлепъ-морозы, а у васъ южнѣе, да похолодѣло. Я вообразила, что у васъ здѣсь чуть ли не розы цвѣтутъ, поѣхала налегкѣ въ осеннемъ. Или это только сегодня такъ холодно? Да ты не думай, что я послѣ войны тебѣ на шею сяду — слава Богу, прокормилась. А это что за тиня тамъ на диванѣ? Учатся ли вѣща? Пришла побасѣдовать о Лермонтовѣ? Поди на сюда. Ахъ, Эже мой, да это — Сарра!

Иванъ Петровичъ и Сережа улыбаясь смотрѣли на говорливую гостью. Даже Сарра улыбнулась, подходя къ Надеждѣ Николаевнѣ.

— Что, плакала? — всмотрѣвшись въ дѣвочку, спросила Надежда Николаевна. — Иванъ Петровичъ тебѣ двойку вѣшпиль, хочешь выплакать отъѣту получше?

— Видишь Надя, — осторожно заговорилъ Иванъ Петровичъ — это очень тяжелая исторія. Видишь въ чемъ дѣло.

И онъ передалъ разказъ Сарры. Надежда Николаевна выслушала внимательно, потряхнула головою, и сказала рѣшительно:

— Стоитъ обращать вниманіе! Очевидно, больной,

разстроенный человекъ. Вѣрьте, Саррочка, все это пройдетъ, русскій народъ разберется во всемъ этомъ. Я сама, когда уѣжала отсюда, была въ кислыхъ и злыхъ чувствахъ. Потому и уѣхала. А какъ пожила съ этими машинно-думающими людьми, такъ вдругъ почему-то опять повѣрила въ русскаго человекъ. Вѣрь и ты, Сарра. Сядись, поговоримъ по душамъ.

V.

Часа черезъ два Иванъ Петровичъ и Сережа вышли проводить Сарру до ея дому. Сарра была уже спокойна и весела. Да и Иванъ Петровичъ и Сережа шагали бодро и говорили весело. Несканданная гостя сумѣла всѣхъ утѣшить и заразить своею вдругъ опять загорѣвшеюся вѣрою.
